

Анна Олеговна Никольская
Папатека
Серия «Новая детская книга»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18307101
Папатека: сказочная повесть / Анна Никольская: РОСМЭН; Москва; 2015
ISBN 978-5-353-07185-3

Аннотация

Однажды один обычный мальчик вдруг заявил своему папе, что больше его не любит. И ушел из дома. Так началась эта история, из которой вы узнаете, куда могут привести неосторожно сказанные слова и какие монстры таятся за мрачными мыслями.

В формате pdf A4 сохранен издательский дизайн.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Анна Никольская Папатека

© Анна Никольская, 2015

© ЗАО «РОСМЭН», 2015

Глава 1 Самая первая

Я хочу, чтобы мой папа пропал. И желательно без вести.

Чтобы, например, он проснулся ночью и пошёл на кухню – поесть или, скажем, попить. Он ночью обычно пьёт квас, который сам делает из чёрствых ржаных корочек. Так вот, допустим, идёт папа, идёт в потёмках по нашему длинному коридору, ни о чём таком ужасном не думает, почёсывает живот под пижамой. Потом заходит на кухню, открывает холодильник, а там... вместо баночки с квасом и палки колбасы – инопланетянин. Он весь квас уже выпил и съел колбасу и теперь смотрит на папу. А папа – на него. Не думаю, что инопланетянину мой папа сильно понравится. Он у меня лысый и длинный, как представитель семейства страусовых (а не Половинкиных). Но инопланетянин всё равно скажет что-нибудь вроде:

«Логариминюк тюрпель кардям чиньку».

А папа ему конечно:

«Что вы делаете в моём холодильнике? Ночью?»

«Крюнтюньбрю», – спокойно ответит инопланетянин и пошевелит хоботом.

«Зачем вы туда залезли с ногами?»

«Дюк».

«И кто дал вам право есть нашу колбасу? Вы хотя бы помыли руки?»

«Дюк берендюк», – скажет инопланетянин и будет тысячу раз прав. Ведь никаких рук у него в помине нет.

«Вы от ответа не увиливайте, милейший! – сердито скажет папа, а потом добавит: – Хулиган!»

Но инопланетянина «хулиганями» не спугнёшь. И когда папа решит прочесть ему свою любимую нотацию про мытьё рук перед едой, пришелец из космоса возьмёт и засосёт его хоботом. Как пылесос – целиком, прямо в пижаме. И улетит на свою далёкую планету, а папа вместе с ним.

И вот тогда!.. Тогда мы заживём вдвоём с мамой! Вернее, я один какое-то неопределённое время проживу. Вообще-то, мама у меня гениальная женщина. Её такие банальные вещи, как чужие грязные конечности и отвратительные манеры, в принципе не интересуют.

Больше всего на свете её интересует отряд трубноносых из семейства буревестниковых. Поэтому полгода назад она улетела на Галапагосские острова – изучать этот самый отряд. Почти как Чарлз Дарвин! Теперь мы её видим только раз в неделю по скайпу. Любуемся, как она – белоzubая, загорелая и в жёлтой панаме – сидит в своём солнечном орнитологическом комплексе, хотя у нас на дворе поздняя осень. А за спиной у мамы обычно сидит Просперо Гонзалес и жуёт бутерброд с арахисовым маслом. Это мамин лаборант, которого папа почему-то недолюбливает. А по-моему, он просто красавец (в отличие от того же папы). У Просперо чёрные усы и кудри вьются до плеч, хотя он тоже учёный, а никакой не конокрад, как зовёт его папа.

У меня усы пока не растут. Но всё ещё впереди – мне только десять.

Однажды я брился папиной электрической бритвой всю неделю. Хотел сразить по скайпу маму своей густой и пышной бородой. Но как я ни брился, на подбородке кроме малюсенького прыщика ничего не выросло, а бритва сломалась. Я спрятал её под кровать в надежде, что папа тоже решит отрастить бороду. Но нет. В тот же день папа полез под кровать за старым чемоданом и бритву нашёл, а меня посадил на молчаливый стул на три с половиной часа. Молчание для меня – не золото, а буквально каторга. Мой сосед по парте Перекусихин бессовестно этим пользуется. Вечно выведывает у меня что-то, выведывает, как следователь прокуратуры.

«Витя, – бывало, скажет мой папа (Витя – это я), – махнём на велосипедах в сосновый бор! Устроим пикник! Послушаем тишину!»

Представляете себе? Я – нет. Послушать тишину – это же всё равно что поесть воздуха или посмотреть темноту. Это совершенно не моё.

«А что твоё? – всё время пристаёт ко мне папа. – Чтение? Футбол? Секция бокса? Конный спорт? Может, запустим воздушного змея, а?»

Ужас. Просто житья от него нет.

«Моё – это сетевые игры и всемирная система Интернет в целом», – серьёзно отвечаю я.

«Это убийственно! – трагически восклицает мой папа. – От этого страдает твоё здоровье, интеллект и твоя малоразвитая личность!» – И с этими словами отключает Интернет навсегда.

Правда, на следующий день он снова его включает. Ему как воздух необходимы электронные письма от мамы, и в этом моё спасение.

Один раз мы писали сочинение на тему «Я горжусь своим папой, потому что...». Анна Емельяновна, наша учительница по русскому и литературе, говорит, что в произведении главное – честность. Я тоже так считаю. Поэтому я написал, что горжусь своей мамой. Она хоть и далеко, а всё про меня понимает. А папа – наоборот. Мы спим в соседних комнатах, едим из одной сковородки, резиновые сапоги у нас – и те из одного магазина «Царская охота». И при этом он понятия не имеет, что такое «Ассасин крид» и сколько у меня друзей ВКонтакте. Про папу в сочинении я вообще ничего не написал. Писать про то, что он таскает меня в походы ни свет ни заря, заставляет копать червей и есть печённый в углях картофель? Нет чтобы, как все нормальные папы, на боевик меня в воскресенье сводить, а потом в Макдоналдс! Или про то, что он читает мне на ночь вслух «Робинзона Крузо»? Да ни за что на свете! Меня же засмеют! Особенно Перекусихин – он живёт вдвоём с мамой, везёт же людям. Его мама в нашей школьной столовой работает поваром, подкладывает ему всё время двойную порцию котлет. А меня папа кормит супом. Наварит горохового с утра в понедельник, и всю неделю мы им питаемся. У меня скоро вместо волос на голове горох начнёт расти.

А ещё мой папа любит сидеть сиднем и пристально смотреть мне в затылок. Сядет на стул и глядит, глядит, как я стреляю из пулемёта по врагам. А меня это отвлекает! Я даже

прицелиться в такие моменты нормально не могу! Я даже чувствую, как у меня затылок под его взглядом потихоньку нагревается! Я говорю:

– Папа, ты сходи погуляй. Проветрись. Погода хорошая, подышишь свежим воздухом, в твоём возрасте это полезно.

Видите, я заботливый. А он мне:

– А что, это идея! Махнём в парк! С деревьями обниматься!

Ну кто меня, спрашивается, тянул за язык?

Приходится тащиться в парк, обниматься там с берёзами и медленно дышать животом. Папа считает, что тем самым мы энергетически подпитываемся и становимся чуточку мудрее. А я считаю, что он просто спятил.

А ещё он любит делать со мной уроки. В этом был бы какой-то прок, если бы папа делал уроки за меня. Я бы тогда моментально выбился в отличники. Как ни крути, а он у меня сообразительный. Папа кандидат биологических наук (а попросту – ботаник) и на работе пользуется уважением окружающих. Но за меня папа задач не решает и сочинения отказывается писать. Он просто сидит рядом и меня корректирует! Из всех пап он единственный в нашем классе, кто на такое способен. А я просто терпеть не могу, когда меня корректируют, особенно сидя рядом и повторяя в левое ухо: «Запомни, сын: ученье – свет, а неученье – тьма! Твоё будущее – в твоих руках!»

Вот Перекусихин, например, уроки вообще не делает. Он у меня списывает, за пирожки. Поэтому мы оба ходим в троечниках. Его мама, эта святая женщина в поварском колпаке, считает, что главное для любого мужчины – с утра хорошо покушать. А это забота женщины, поэтому пирожки в перекусихинском рюкзаке не переводятся.

Недавно, не поверите, папа записал меня в библиотеку. В детскую. Это притом, что мне одиннадцатый пошёл. Папа сказал, что в библиотеку ходят не только за книгами, но и за общением с увлечёнными людьми из разных клубов по интересам. В нашей библиотеке, например, есть клуб любителей моделирования кораблей из дерева своими руками. И секция валяния из шерсти, но там сплошь девочки. Я взял какую-то книжку на абонемент, только чтоб от папы поскорей отделаться и чтобы меня не заставили ничего моделировать. Вечером пришёл – а Интернет отключён (у папы был очередной приступ заботы о моём будущем). Что делать? Я лёг на диван и открыл книжку. Стал читать. Читаю – и ничего не понятно! Картинок нет, текст мелкий, букв много, а на странице справа внизу вместо даты со временем – какой-то номер.

Я ту книжку так и не дочитал. Хотя папа очень обрадовался, когда увидел на обложке заглавие. Сказал, что в детстве это была его любимая книга – «Остров сокровищ». А по моему, про острова и сокровища лучше посмотреть кино в 3D или в сетевую игру поиграть с онлайн-друзьями. Одно дело – разглядывание на бумаге скучных буковок, и совсем другое – погружение в атмосферу бесконечного драйва и экшна. Это не я так красиво сказал, это из превью «Ворлд оф Варкрафт». Космическая разница, вы чувствуете?

Теперь сами видите, почему я мечтаю, чтобы мой папа пропал. И желательно без вести. Потому что другого такого скучного, занудного, приставучего и отставшего от жизни папы в целом мире больше нет. Он даже в школу за мной не на машине, как все нормальные родители, приезжает, а на велосипеде. И я, сгорая от стыда, еду с ним на багажнике!

Глава 2 Самая обидная

Поссорились мы из-за того, что папа решил меня подстричь. Он сказал, что теперь у нас режим строгой экономии. И что экономить мы начнем с того, что я перестану ходить в парикмахерскую. Отныне он будет стричь меня сам. Папа даже закончил интернет-курсы для начинающих парикмахеров – втайне от меня и от мамы. А всё потому, что к приезду мамы он решил сделать ей сюрприз. Купить тандем. Это такой велосипед, рассчитанный сразу на троих человек. Чтобы мы все вместе дружно ездили на рыбалку, в лес, в горы и всякие другие малопроезжимые места.

– Садись, сын! – торжественно сказал папа, пододвигая ко мне табурет.

Я сел. Просто с ним спорить – себе дороже. У папы на любые споры ответ один – тотальное отключение Интернета на сутки. А для такого зависимого от социальных сетей мальчика, как я, это смерти подобно. Поэтому я здраво рассудил, что волосы – ничто, в сравнении с полной изоляцией от сверстников. За двадцать четыре часа произойти может всякое. Статусы и юзерпики меняются теперь со скоростью света, а я просто обязан быть в курсе происходящего.

Папа укутал меня какой-то мятой плёнкой и начал стричь. Он довольно вдохновенно чикал в воздухе ножницами и красиво размахивал расчёской с частыми зубцами. Поэтому я на какое-то время расслабился и стал думать про Галапагосские острова. Про их удивительную флору и потрясающую фауну. И про маму – как она сейчас там, наверное, ест бутерброд с арахисовым маслом и кольцует птенцов альбатросов. Или занимается с Просперо Гонзалесом бердвочингом. Это такое наблюдение за птицами – не простое, а в научных целях.

В этом была моя роковая ошибка – задуматься и отвлечься, пустить всё на самотёк.

– Готово! – весело сказал папа и подал мне зеркальце.

Сначала я решил, что обознался. Что это не моё отражение в зеркале, а кого-то другого, например папино. У него иногда бывают такие вихры, когда он отращивает волосы сзади. На своей же голове я видел их впервые.

Они были справа, эти чудовищные вихры. И делали они меня похожим на уральского вихрастого голубя – мама не дала бы соврать. В то же время слева не было ничего, кроме

моей начисто выбритой головы. Абсолютно! Ни единой волосинки не оставил мне слева папа! Он безжалостно срезал там всё под корень и теперь улыбался до ушей, как сто тысяч проклятых клоунов!

– Что ты наделал? – закричал я не своим голосом. – Мне же завтра в школу! У нас же послезавтра открытый урок! Придёт завуч и ещё одна женщина из района! Что они обо мне подумают?

– Ты, главное, не горячись, – сказал папа. – Всё образуется. – По его лицу я видел, что он уже начал осознать, что натворил. Лицо у папы было какое-то смятенное и полное тревоги.

– Образуется?! Как?!

– Как-нибудь, – тихонько ответил папа и почикал кривыми ножницами.

И тогда я сделал вот что. Я побежал в ванную, схватил с полочки его электрическую бритву (папа её уже починил) и, упрямо глядя в зеркало, сбрил всё, что было у меня справа. Подчистую!

Потом я широким шагом вернулся на кухню (как ни в чём не бывало папа разогревал на ужин гороховый суп), сбросил с себя все плёнки, покрытые моими бедными-бедными волосами, и сказал:

– Папа, я тебя... я тебя... Я тебя больше не люблю!

По правде говоря, сказать я хотел что-то ещё ужаснее, чем то, что сказал. Я хотел сказать ему, что я его ненавижу. И волосы тут, конечно, ни при чём. При чём тут было всё. Всё его существование в нашем доме мне было ненавистно. Гляделки в затылок, вылазки на природу, танделы, багажники, удочки, червяки, разогретый в мисочке суп, отключения Интернета, печёный картофель, проверки дневников, читательские абонементы, голос, лысина, запах дезодоранта «Хвойный», «ученье – свет», объятия с деревьями, парк, лес, ночные зорьки, посиделки у костерка, расчёски с частыми зубцами... Всего этого я терпеть не мог и собирался сказать об этом папе, но сказал только то, что сказал.

А потом я натянул кроссовки с курткой и, оглушительно хлопнув дверью, выскочил на улицу.

Там шёл дождь и была кромешная темнота. Но я всё равно перед собой ничего не видел – бежал, не глядя под ноги. То и дело в лужи наступал – кроссовки моментально промокли. У меня перед глазами стоял папа. Вернее, не весь он, а только его испуганное лицо. Он страшно испугался, когда я ему про «больше не люблю» сказал. Не обиделся и не разозлился, а именно испугался.

А я испугался, что так ему сказал.

Я всё бежал, бежал, сам не знаю куда. И накручивал себя, и накручивал. Что, мол, правильно я ему так сказал. Потому что нечего! Потому что мне надоело по всяким глупым правилам жить! Мне надоело жить с мамой в скайпе! Раз они так, буду жить один! Убегу из дома навсегда, и пусть! Пусть они меня поищут с полицией, пусть фоторобот посоставляют и всякое такое. Завтра куплю газету в первом попавшемся киоске, а там – моя фотография. «Помогите! Спасите, люди добрые! От меня сбежал мальчик! Замечательный был мальчик – славный, говорливый, ел гороховый суп, играл в «Ассасин крид». Он был хорошим сыном, прекрасным ребёнком десяти с половиной лет, звёзд с неба не хватал, но всё же он был мне опорой и отрадой, он скрасил бы мои годы в старости, он подал бы мне стакан кипяченой воды, а я... Я был жестоким и равнодушным отцом. Я не ведал, что творил, – и вот результат. Я один! Совсем один! Что скажет мне уехавшая в командировку жена, когда вернётся из командировки? Как посмотрю я ей в голубые глаза? Что отвечу ей – этой святой женщине-орнитологу?»

Ну, и так далее. Папа будет горько раскаиваться и сожалеть о том, что натворил собственными руками с ножницами. Но будет поздно – слишком поздно. Я уеду на электричке

далеко-далеко и не буду слать писем домой. Или буду, но без обратного адреса. Только для того, чтобы сообщить им, как прекрасно идут у меня дела. Как я живу-поживаю на каких-нибудь островах (не Галапагосских, а на других), как я стал знаменитым этим... например, этим... в общем, ещё не решил кем, но обязательно стану богатым и знаменитым. И что у меня вилла на берегу океана, и жена – красавица-туземка, и шестеро детей, удивительно похожих на меня. И что мы не живём, а припеваем, а в парикмахерскую ходим чуть ли не каждый день. И вместо велосипеда у нас теперь лимузин темно-зелёного цвета, а вместо супа – роллы с копчёным угрём.

Вот так думал я, пока бежал не разбирая пути. А когда мысли у меня в голове кончились, я остановился и огляделся по сторонам. И ничего не узнал вокруг. Потому что вокруг, кроме темени и дождя, были какие-то горбатые строения, которых я в жизни никогда не видел. Я помотал бритой наголо головой и снова пригляделся – уже внимательней. Горбатые дома знакомей не стали. Наоборот, они пристально смотрели на меня чёрными-пречёрными окнами, как будто хотели мне что-то сказать. Что-то неприятное. Какую-нибудь гадость – ещё похуже того, что я сказал своему папе. И ни в одном из этих домов не горел свет – представляете? Да и фонарей тут совершенно не было. Вся улица казалась мне какой-то сторбленной, сутулой и чахлой. Особенно вон та башня с готическими шпилями – очень подозрительная.

– Эй! – крикнул я. Мне вдруг показалось, что в одном из окон башни, на втором этаже мелькнул силуэт.

«Эй-эй-эй-эй!» – отозвалось эхо, отразившись от обшарпанных грязных стен.

Я не ошибся – силуэт в окне точно был. Он стоял и не шевелился. И вроде бы смотрел на меня. Хотя я его глаз не видел, но чувствовал что-то такое неприятное. Прямо во рту какой-то горький привкус, как будто я съел варёную жабу. Меня передёрнуло, а по спине быстро пробежали мурашки – сначала вверх, потом вниз. Стало вдруг очень холодно – практически как зимой. Я нахохлился и сунул руки в карманы. А потом я опять крикнул:

– Эй! Где я? Вы, случайно, не знаете? – Это вышло у меня как-то пискляво. Словно я не бритый наголо парень, а девушка с косой. Неужели голос ломается?

Силуэт в окне не шелохнулся. Я уже совершенно привык к темноте и теперь прекрасно видел его белые руки на подоконнике. Они были непропорционально длинные, очень худые и в бугорках. И лежали как будто сами по себе, отдельно – словно их отстегнули от туловища. Я подождал немного и потом добавил:

– Я заблудился! Вы мне не поможете?

И тут же в окне вспыхнул свет. Это было неожиданно. Если честно, я не особенно рассчитывал, что этот долговязый придёт мне на помощь. В окне его уже не было видно, и я рассудил, что он пошёл открывать мне дверь.

Я юркнул под козырёк парадного и отряхнулся. Всё-таки я прилично вымок под этим дождём и продрог до самых косточек. Может, он угостит меня чашечкой чая? И уложит в отдельной комнате, которая запирается изнутри? Если честно, я порядком устал от всей этой беготни и переживаний. Но домой я не планировал сегодня вернуться. Уж лучше ночевать на улице, чем...

– Ночи доброй, – услышал я за спиной высокий женский голос.

Я обернулся. Передо мной стоял длинноногий старик с маленьким ртом без губ, а больше никого не было, никаких женщин с высокими голосами.

– Вы это мне? – спросил я.

– Вам, – подтвердил старик всё тем же голосом.

Это было странно. И неприятно. И я, признаться, даже немного струсил. Не каждый день встречаются мне типы с серыми лицами и отстёгивающимися руками.

Глаза у незнакомца были навывкате и находились не там, где им было положено, а по бокам. Практически у самых ушей – от этого старик походил на какое-то насекомое.

Уши были тоже довольно необычными на вид – они напоминали лошадиные и были такими же чуткими. Эти поразительные уши всё время шевелились! А сам я ни одним ухом шевельнуть не могу, хотя пробовал сто раз.

Увидев его смешные уши, я немного расслабился. Старик выжидательно глядел на меня.

– Здравствуйте, – наконец промямлил я. – Дело в том, что я заплутал. Понятия не имею, какой это район? Центральный или Октябрьский?

– Ноябрьский, – поправил меня старик.

Я знал наверняка, что никаких ноябрьских районов в нашем городе нет. Наверное, я ослышался. Но переспросить было неудобно.

– Входите вас, прошу, – сказал старик и отодвинулся в сторону, чтобы мне удобней было пройти.

– Спасибо, – поблагодарил я. – Нам на второй?

– На двухсотый.

Мы поднялись на второй этаж (на это ушло примерно пятнадцать минут – ступенек тут у них очень много), и незнакомец отворил дверь, причём опять-таки не обычную. Эта дверь была треугольной формы и напоминала скорее окно – нам пришлось влезать в неё через форточку. На двери висела странная табличка:

Режим работы круглосуточный – с 00:00 до бесконечности.

То, что я увидел потом, повергло меня в сильнейший шок. Вместо стандартной малогабаритной квартиры с узеньким коридорчиком и совмещённым санузлом я оказался в... настоящем готическом замке! Папа мне рассказывал про Средние века, и ещё я просто обожаю фильмы про вампиров. Только вместо разных старинных картин до потолка, оружейных коллекций и доспехов здесь были книги. Гигантские стеллажи (кажется, из морёного дуба) уходили под самый потолок, который был так высок, что к стеллажам подвесили лифты. По моим расчётам, ни одна лестница в мире, даже пожарная, не смогла бы дотянуться до верхних полок.

– Ничего себе! – присвистнул я. – Мы что, в библиотеке?

– В папатеке, – в своём репертуаре поправил меня старик и поманил за собой пальцем.

И я пошёл. А что мне оставалось делать? Во-первых, меня разбирало ужасное любопытство. Всё происходящее казалось мне каким-то странным, даже подозрительным и одновременно меня восхищало! Я ущипнул себя за щёку, чтобы убедиться, что не сплю и мне не снится какая-то абракадабра. А во-вторых, домой, как вы помните, я твёрдо решил не возвращаться. Ни ногой. Нам с папой в одном доме делать нечего.

Неожиданно он заговорил – прямо на ходу, не поворачивая головы. Всё тем же женским голосом он стал рассказывать, что зовут его господин Будь-Благодарен-Бенджамин, но я могу никак его не звать, если мне так хочется, и что он обладатель богатейшей коллекции, которая, как ему представляется, весьма меня заинтересует. Честно говоря, меня больше интересовал горячий ужин и мягкая постель, а не коллекция старого хлама, вроде книг, но, будучи мальчиком воспитанным, я об этом промолчал. Я шёл за ним по пятам и слушал его, и слушал. Признаться, это было довольно трудоёмким занятием, потому что говорил этот Бенджамин, как иностранец. Он постоянно переставлял слова, как ему заблагорассудится, и вычленив из его витиеватого бубнёжа что-то вразумительное было сложно.

– Тысяч экспонатов около сорока содержит коллекция моя уникальная, которых из находится каждый состоянии в безукоризненном. Все коллекции представители в глубокий погружены сон, познакомиться не составит вам поэтому труда в спокойной с ними обстановке, изучить, их рассмотреть и выбором с определиться.

Уф! Ну вот как с таким человеком разговаривать? Поэтому я молча кивал и притворялся, что прекрасно всё понимаю, хотя не понимал ничего абсолютно.

Мы всё шли и шли. По длинным узким лабиринтам, освещённым масляными факелами, по галереям без окон и залам без дверей. По коридорам, которым не было видно конца и края. Мы заходили в какие-то комнаты с гигантскими очагами, в которых что-то варилось и булькало, в чьи-то спальни или усыпальницы с огромными кроватями под балдахинами. Я заметил, что в них кто-то спал, но кто? Этого я не видел. Книг становилось всё меньше и меньше, и скоро они совсем исчезли, будто это была не библиотека, а что-то совсем другое. Впрочем, я уже стал догадываться, это и есть что-то совсем другое. А библиотека, вероятно, была всего лишь прикрытием – для соседей по подъезду. Они порой бывают страшно любопытными, например, как наши.

– Вот ну, и пришли мы, – сказал господин Будь-Благодарен-Бенджамин, уперевшись лбом в абсолютно голую кирпичную стену.

– Хм, но здесь же ничего нет, – здраво рассудил я.

Старик повернулся ко мне, и я впервые увидел его улыбку.

Лучше бы я её никогда не видел. Вместо зубов у него во рту росли зубчики – частые и длинные, как на папиной расчёске. Я содрогнулся от этого жуткого зрелища.

– Ты ошибаешься, – продолжая улыбаться, ответил господин. – То именно есть здесь, тебе что нужно.

– И что же это? – Меня начинала раздражать самоуверенность этого старикана. Он же впервые меня видит, мы же знакомы каких-то сорок минут! А он делает вид, что видит меня насквозь или читает мои мысли.

Я похолодел. А вдруг? Мало ли.

Я быстренько тряхнул головой и постарался ни о чём не думать. Но мне, как назло, всё думалось и думалось. Особенно почему-то про моего несчастного папку. Про то, как он теперь там без меня, горемычный? Позвонил ли уже участковому, обегал ли соседей по этажу?

– Не беспокойся чём о ни, – вкрадчиво произнёс господин Будь-Благодарен-Бенджамин и потрогал меня за плечо.

Мне это не понравилось, я отступил назад, но в этот момент что-то заскрежетало так, что мне пришлось зажать уши, пол дёрнулся, стены поехали куда-то вверх и направо, и я решил, что вот теперь мне точно пришёл конец.

Глава 3 Самая загадочная

Наверное, это был склеп. Потому что там, где мы вдруг очутились, кругом стояли сплошные саркофаги – как в историческом музее. С той лишь разницей, что в саркофагах господина Будь-Благодарен-Бенджамина жевали лежкие дюли! В смысле, лежали живые люди – это я от волнения перепутал слоги, со мною такое бывает. Причём эти саркофаги были разных форм. Один – как гитара, другой – как гигантский револьвер, третий был похож на самолёт, четвёртый смахивал на компьютер, пятый – на целый дом, шестой – на... Я даже не знаю на что! Словом, всё это было очень и очень странным, если не сказать больше. А крышки у саркофагов были стеклянные – поэтому я и людей в них сразу разглядел, и то, что они дышат: стекла кое-где запотели. А некоторые люди даже почёсывались и иногда чихали.

Все эти люди были мужчинами средних лет. Ни одной женщины или ребёнка! Все они выглядели довольно симпатично. Знаете, словно куклы в коробках, затянутых прозрачным пластиком. Такие новенькие, румяньенькие, одеты с иголочки. Я даже подумал: а вдруг это роботы? Но нет. Оказалось, что это совсем не роботы.

– Это и есть ваша коллекция? – спросил я у Бенджамина. С каждой минутой он нравился мне всё меньше и меньше.

– Да, – утвердительно кивнул он. – Это моя папатека!

– В каком смысле?

– В мире собрание это единственное чужих пап уникальное! Аналогов всей во Вселенной ему нет!

А он хвастун, этот Будь-Благодарен.

– А зачем вам чужие папы? – насторожился я.

– Мне? Ни зачем.

– Тогда для чего вы их сюда... эмм... положили? Утрамбовали в эти гробики, снотворное им ввели? – Я начинал распаляться. – Вы же сами говорите, что это чужие папы. То есть не ваши! Другими словами, они чьи-то! А если бы вашего папу вот так взяли и увели из дома? Или вас самого? У вас же есть дети? Вам бы это понравилось? Лежать здесь, непонятно где, под стеклом, как какой-то музейный экспонат! – Я уже кричал. Я даже стал размахивать руками. И что я так завёлся, не пойму?

Старик внимательно меня слушал и не перебивал. А когда у меня закончились силы, слова и мне пришлось замолчать, он сказал:

– Я даю этих пап напрокат, – сказал он совершенно нормально, не тасуя слова, как карты.

– Как то есть напрокат? – Он меня буквально ошеломил.

– Как книги. Ребёнок может прийти ко мне, выбрать приглянувшегося папу и взять его напрокат.

– Любой ребёнок?

– Ну, не любой, конечно... – уклончиво протянул старик. – Но ты, например, можешь.

– Я?! Вы шутите? У меня есть свой собственный папа. Мне чужого не надо!

– Ты уверен? – вкрадчиво спросил господин Бенджамин и прищурился, как лиса.

– Конечно... – начал я, но осёкся.

Я вдруг всё вспомнил. Про нашу с папой ссору, про маму, про эту глупую стрижку, даже про Гонзалеса почему-то вспомнил и его усы!

Это же что получается? То есть это получается, что я могу выбрать себе здесь нового папу?! Совершенно любого? Например, известного футболиста или, скажем, изобретателя компьютерных игр?

– Ты можешь выбрать абсолютного любого папу из представленных в моей папатеке, – словно прочитав мои мысли, сказал господин Бенджамин.

– Какого захочу? – Мне всё ещё не верилось в происходящее. Я стал расхаживать между саркофагами и заглядывать к ним внутрь.

– Так точно. Выбери – не хочу.

– Вот этот мне нравится! – ткнул я пальцем в стекло саркофага, похожего на пожарную машину.

– Отличный выбор, – похвалил меня господин Бенджамин. – Николай Фёдорович Брандспойтов, начальник пожарной охраны, сорок четыре года, женат, двое детей. Он станет тебе отличным отцом! Он научит тебя нырять в испепеляющее пламя, спасти погорельцев и их маленьких питомцев из огня!

– Да? – с сомнением переспросил я. Что-то мне не очень хотелось нырять в какое-то пламя. – А это кто? – Я показал на мужчину в красивом фраке. Саркофаг у него был в форме какой-то сложной закорючки.

– О, это потрясающий экземпляр, браво, молодой человек! Брависсимо! Это известный гастролирующий дирижёр Олег Евгеньевич Маэстров! Пятьдесят шесть лет, холост, семеро детей.

– Хм.

– Не понимаю твоего скепсиса, мой юный друг. Маэстров обучит тебя нотной грамоте и возьмёт с собой в мировое турне! Ты увидишь весь мир, ты побываешь в лучших операх Европы! Ты узнаешь, что такое скрипичный ключ, – покосился он на витиеватый саркофаг, в котором лежал дирижёр, – и раскроешь все тайны сольфеджио!

– Нет, это не моё, – привычным тоном сказал я, на ходу разглядывая саркофаги. – Так, а это у нас кто? В разноцветном гробу?

– Василий Семёнович Мумриков, художник-маринист. Он великолепно изображает морские пейзажи и...

– Не подходит. А это?

– Андрей Павлович Непопонов, потомственный циркач, заслуженный артист...

– А вон тот – в формочке от пирожного?

– Как же, как же – Аркадий Геннадьевич Блинохвостов! Кондитер-виртуоз! Заметь, все папы в моей папатеке наивысшего качества! Все как один!

– Это я уже заметил, – кивнул я и продолжил поиски.

В общем, на то, чтобы из этих мегазалежей пап выбрать кого-то одного, у меня ушло добрых полчаса. Кажется, я пересмотрел их всех – а пап в коллекции господина Бенджа-

мина было о-го-го сколько! Причём он не соврал и не преувеличил: папы здесь были просто потрясающие! Скалолазы и космонавты, полицейские и моряки, актёры кино и театра, учёные, инженеры, строители, изобретатели, шахтёры, хирурги, депутаты Государственной думы, спортсмены, силачи, писатели и даже один настоящий король из Африки! А кроме того – все как один писанные красавцы! Ни одного лысого, толстого или слишком худого, ни единого кривоногого или горбатого папы в папатеке у господина Будь-Благодарен-Бенджамина не было.

Я устал. Я так устал, что у меня подкашивались ноги и кружилась голова. Я уже не хотел никого выбирать, у меня просто не было сил – все папы слились передо мной в одну большую лепёшку. Они все стали вдруг на одно лицо, и я уже не видел между ними никакой разницы. Поэтому, когда под утро терпение старика подошло к концу (он то и дело поглядывал на часы и позёвывал), я взял и ткнул пальцем в первого попавшегося папу.

– Вот этого беру, – устало выдохнул я и уселся прямо на пол. Стульев у них в папатеке не было.

– Прекрасный выбор! – в очередной раз поддержал меня господин Бенджамин. – Лев Клементьевич Павлинов, двадцать семь лет, разведён, ребёнок шести лет.

– А кто он по профессии?

– Фотомодель, – отчего-то смутился старик.

Но мне уже было всё равно.
– Так ты берёшь? – уточнил он.
– Беру.
– Грандиозно! – обрадовался папатекарь. – Тогда подпишем контракт.
– Какой контракт? – насторожился я.
– Ну как же? Договор проката. Ты берёшь у меня напрокат Льва Клементьевича Павлинова, а я у тебя – Максима Ильича Половинкина.
– Кого-кого? – сразу не понял я.
– Твоего папу, – ласково улыбнулся старик.
– Подождите, мы так не договаривались...
– Вот теперь и договоримся. – С этими словами он вынул из кармана договор, свёрнутый в трубочку, и протянул мне.

Я развернул его и попробовал прочитать. Только у меня ничего не получалось – буквы были словно живые. Они то и дело перебегали с места на место, меняя порядок слов и предложений. Я старался вчитаться и уловить хоть мало-мальский смысл, но всё напрасно.

– Я это не буду подписывать, – наконец сказал я. – Даже не уговаривайте. Своего папу, даже такого плохенького, я никому не отдам.

Старик помрачнел.

– Смею тебе напомнить, что совсем недавно ты сам мечтал о том, чтобы он пропал без вести.

– Откуда вам это известно? – Я ошарашенно уставился на папатекаря. Значит, всё-таки читает мысли.

– Мне многое известно, – отозвался старик каким-то нехорошим голосом. Угрожающим, я бы сказал. – Рассуди сам, вернёшься ты домой с этим Павлиновым, – он пренебрежительно кивнул на саркофаг в форме подиума, – а там твой отец. Что ты ему скажешь? Двум папам в одном доме, между прочим, не место.

Точно! Старик сто тысяч раз прав. Я же совсем об этом не подумал! Ведь как отнесётся мой папа к приходу нового? Это ясно как день – отвратительно он отнесётся! Вспомнить хотя бы Просперо Гонзалеса – мой отец конкуренцию не приемлет ни под каким соусом! Тем более под соусом из нового папы.

Выход один – подписывать контракт. Ради папиного же блага. Ничего, полежит в папатеке чуток, отдохнёт, выспится на всю оставшуюся жизнь. А что? Эта мысль мне начинала нравиться всё больше и больше. Это же выход, грандиозный выход из моего ужасного положения! От проката выиграют все: я, папа, папатекарь, Павлинов, в конце концов! Это же... Это же всё равно что летние каникулы посреди зимы! То есть осени, но не суть.

– Считайте, что мы договорились! – решительно сказал я и размашисто подписал последнюю страницу договора.

– Хороший мальчик, – выдавил из себя полусантиметровую улыбочку старик. Он нажал какую-то кнопочку на стене, и оттуда тотчас выдвинулся ящик. Господин Бенджамин аккуратно положил в него контракт, и ящик захлопнулся. – Теперь ты на всех законных основаниях являешься полновластным обладателем отличного нового папы. Прими мои соболезнования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.